

ПАМЯТИ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКАГО

Въ вечеру 28 января получена была въ Москвѣ телеграмма: „Достоевскій сильно заболѣлъ и слегъ въ постель“. Прошло нѣсколько часовъ и въ ночь на 29 января, предъ самымъ выпускомъ номера *Московскихъ Вѣдомостей*, пришло извѣстіе, Федоръ Михайловичъ вечеромъ, въ 8 часовъ 40 минутъ, скончался.

Какъ громъ поразила насъ эта вѣсть. Еще наканунѣ, 27 января, получили мы отъ него собственноручное письмо, писанное твердымъ почеркомъ и не возбуждавшее никакихъ опасеній. Было однако въ этомъ письмѣ завыщающее слово которое тогда скользнуло для насъ незамѣтно. Прося насъ объ одномъ дѣлѣ, онъ прибавилъ: „это быть-можетъ моя *последняя* просьба“. Только теперь сталъ намъ понятенъ скорбный смыслъ этого слова *последняя*. Въ немъ сказалось предчувствіе смерти еще прежде чѣмъ совершилось роковое кровоизліяніе которое такъ быстро погасило дорогую жизнь нашего друга. Но предчувствіе смерти не нарушило мира и ясности его души. Тамъ этихъ предсмертныхъ строкъ его совершенно спокойно. Онъ входитъ въ нѣкоторыя дѣловыя подробности и шлетъ поклоны друзьямъ...

В. М. Маркевичъ присутствовавшій при послѣднихъ минутахъ усоднаго такъ описалъ его трогательную кончину.

„Я присутствовалъ, говоритъ онъ, при послѣднихъ минутахъ Федора Михайловича и пишу къ вамъ часъ послѣ этого едва двигающейся рукой, подъ слухкомъ еще свѣжамъ впечатліемъ произведеннымъ на меня этою смертью, этою великою потерей понесенною русскимъ словомъ, русскою мыслию.

„Дней десять тому назадъ я провелъ часть вечера съ покойнымъ у графини С. А. Т., которую онъ посещалъ очень часто и очень уважалъ и любилъ. Онъ былъ очень оживленъ и веселъ. Шла, между прочимъ, рѣчь о постановкѣ двухъ, трехъ избранныхъ сценъ изъ трилогіи графа Ал. Толстаго, которую собирались разыграть любители въ этомъ домѣ, и Федоръ Михайловичъ бралъ на себя роль схимника въ *Смерти Ионы Грознаго*. Я ухажалъ ранѣе его и, прощаясь съ нимъ, спросилъ его, помню, увидимся ли мы съ нимъ въ будущій понедѣльникъ (пріемный вечеръ графини)?— „Вѣроятно“, отвѣтилъ онъ. Я пожалъ ему руку, и конечно не повѣрилъ бы, еслибы кто-нибудь мнѣ сказалъ что мнѣ не даво уже будетъ въ жизни повторить это пожатіе; такъ мало походила онъ на человѣка для котораго изочтены.

„Въ понедѣльникъ онъ однако не пріѣхалъ. Я замѣтилъ это и спросилъ о немъ хозяйку.— „Не знаю, онъ хотѣлъ быть“, отвѣтила она мнѣ,— „занять вѣроятно своимъ *Дневникомъ*“ (который долженъ былъ появиться на дняхъ) и прибавила: „Онъ обѣдалъ у насъ третьяго дня и взялъ экземпляръ трилогіи чтобы выучить по немъ свою роль.“

„Сегодня, въ среду, предъ самымъ обѣдомъ прочелъ я въ *Новомъ Времени* сообщеніе о томъ что Ф. М. Достоевскій „сильно заболѣлъ“. Несмотря на тревожный тонъ какимъ выражено было газетою это извѣстіе, мнѣ не вѣрилось въ то что видимо заключалось подъ нимъ: „Вѣроятно, объяснилъ я себѣ, одинъ изъ тѣхъ припадковъ эпилепсіи которымъ онъ былъ подверженъ сильнѣе чѣмъ обыкновенно, но онъ ихъ такъ много уже перемосилъ“..

„Въ исходѣ восьмага я звонилъ у двери его скромной квартиры въ Кузнецкомъ переулкѣ, № 5й. Еще стоя на площадкѣ лестницы, я уже слышалъ сквозь эту дверь какой-то страшный гулъ. Кто-то быстро отворилъ ее и рванулся мнѣ на встрѣчу: „Докторъ, скорѣе, скорѣе!“ стонающимъ голосомъ вскрикнулъ какой-то молодой человѣкъ (это былъ пасынокъ Федора Михайловича, сынъ первой жены его отъ перваго ея брака). Я не успѣлъ отвѣтить какъ въ переднюю вылетѣла десятилѣтняя блѣдушая дѣвочка съ раздирающимъ крикомъ: „Господи! докторъ, Бога ради, спасите папашу, онъ кричитъ!“... — „Я не докторъ“, растерянно со-внесалнымъ ужасомъ проговорилъ я. Въ эту минуту въ ту же переднюю вышелъ весь бѣдный, съ лихорадочно горѣвшими глазами Ал. Ник. Майковъ: „Ахъ, это вы“... Онъ меня назвалъ; мы вошли въ первую комнату. Въ короткихъ словахъ сообщалъ онъ мнѣ что, какъ и я, узнавъ изъ сообщенія *Новаго Времени* о болѣзни Федора Михайловича, онъ зашелъ навѣстить его полчаса тому назадъ, и что кажется все кончено... Въ понедѣльникъ съ нимъ сдѣлалось вдругъ кровохарканіе; онъ потерялъ при этомъ, какъ говорятъ домашніе, до полутора фунта крови, и ужасно ослабѣлъ. Но вчера это не возобновлялось; онъ спалъ хорошо, былъ въ хорошемъ расположеніи

духа, говорилъ о своемъ *Дисоникъ* и шутялъ надъ тревогой о немъ: „Я молъ еще всѣхъ переживу“. Тѣмъ не менѣе онъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься. Сегодня же съ утра стало хуже, нервы расходились ужасно, началось опять кровохарканіе; и вотъ... Аллоловъ Николаевичъ не былъ въ силахъ продолжать отъ волненія. — Можно его видѣть? — „Подите!...“

„До посаждавшаго моего вздоха не забуду этой картины!...“

„Во глубинѣ неказистой, мрачной комнаты, его кабинета, лежалъ онъ одѣтый на диванѣ съ закинутаю на подушку головой. Свѣтъ лампы или свѣчь, не помню, стоявшихъ подлѣ на столикѣ, падалъ плашмя на бѣлые какъ листъ бумаги лобъ и щеки и несмытое темноокрасное пятно крови на его подбородкѣ. Онъ не „хрипѣлъ“, какъ выразилась его дочь, но дыханіе какимъ-то слабымъ свистомъ прорывалось изъ его горла сквозь судорожно раскрывшіяся губы. Вѣки были прижмурены какъ бы такимъ же механически судорожнымъ процессомъ пораженного организма... Это было то давно знакомое мнѣ, измученное мыслью, словно все прожженное изнутри страстнымъ пламенемъ лицо, — но муки сознательной, физической муки въ немъ не сказывалось, — онъ былъ въ полномъ забытьи...“

„Жела его билась въ безумномъ отчаяніи предъ нимъ на колѣняхъ. Она припадала къ его безжизненно слухившейся съ дивана рукѣ, со словами молитвы, съ раздиравшимъ душу стономъ полеремѣнно вырывавшимися у нея изъ груди... Двое дѣтей ихъ, сынъ и дочь, тутъ же на колѣняхъ торопливо, услужливо крестились. Дѣвочка въ отчаянномъ порывѣ кинулась ко мнѣ, схватила меня за руку: „Молитесь, прошу васъ, молитесь за лалашу чтобы, если у него были грѣхи, Богъ ему простилъ!“ проговорила она съ какимъ-то поразительнымъ, неаѣтскимъ выраженіемъ, и залилась истерическими слезами. Я ее, всю дрожавшую ознобомъ, увелъ изъ кабинета, но она вырвалась изъ моихъ рукъ и убѣжала опять къ умирающему, между тѣмъ какъ А. Н. Майковъ успевно уговаривалъ ее мать отойти отъ него, успокоиться хотя на мигъ... Она ловилась наконецъ чтобы дать волю своимъ рыданіямъ, „чтобъ онъ не слышалъ ихъ...“ „О, кого я теряю, кого я теряю!“ могла она только выговорить, падая въ кресло въ другой комнату... „Кого теряетъ Россія!“ невольно и одновременно вырвалось у насъ съ Майковымъ.

„Мы дали ей валиться воды...“ „Вѣдь ему жить хотѣлось еще, жизнь только начинала улыбаться ему, прорывались у нея слова, — онъ надѣялся еще многое сказать... И дышать стало мы легче... И вотъ!... Онъ мнѣ сегодня сказалъ: „Весь вѣкъ мой бился я и работалъ какъ волъ изъ-за хлѣба насущнаго; думалъ: вотъ, наконецъ, будетъ чѣмъ дѣтей на ноги поставять, и умираю оставляя ихъ нищими...“

„— Сващенникъ... докторъ, почти одновременно прибѣжали сказать посланныя за нами лица. Докторъ послѣдшю про-

шелъ въ кабинетъ, велѣлъ открыть форточку, потребовалъ лувверизаторъ и потребовалъ настоятельно чтобъ его оставилъ одного съ ласыикомъ Федора Михайловича больного.

„А. Н. Майковъ и я остались съ Анной Григорьевной... Прошло нѣсколько минутъ невыразимо тяжелаго ожиданія.

„Припертая докторомъ дверь въ кабинетъ отворилась наконецъ. Онъ вышелъ.

„— Что, конецъ! воскликнула несчастная женщина, вскакивая конвульсивно съ мѣста.

„Онъ усадилъ ее, взялъ руку.— Не кончено еще.... но кончается, и я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ что послѣднее изъ чувствъ умирающее въ человѣкѣ,—это слухъ: не терзайте же его послѣднихъ минутъ вашимъ отчаянiемъ!

„— О, докторъ, я не вохлещу, но пустите меня къ нему! И она ринулась съ дѣтьми къ умирающему, пала съ ними на колѣна.... Все замерло мертвымъ молчанiемъ. Его дыханiя уже вовсе не слышалось.

„Вошелъ священникъ, шолотомъ началъ отходную.... Докторъ нагнулся къ нему, прислушался, отстегнулъ сорочку, пропустилъ подъ нее руку—и качнулъ мнѣ головой. На этотъ разъ все было, действительно, „кончено“.... Я вынулъ часы: они показывали 8 час. 36 минутъ...“

Трогательно сказалось общественное сознанiе великой утраты повесенной Русскою землею. Похороны Достоевскаго были знаменательнымъ событiемъ. Русскiе люди безъ различiя положенiй и званiй, забывъ раздѣленiе мнѣнiй и партiй, съ искреннею сердечною болью поклонились на свѣжей могилѣ навсегда унесшей одну изъ лучшихъ силъ нашей родины, гениальнаго писателя, чувствовавшаго въ себѣ и жажду и жаръ пророка. И когда же унесшей? Въ годъ тяжкаго духовнаго испытанiя ощущаемаго нынѣ каждымъ мыслящимъ и любящимъ свое отечество человѣкомъ. Трогательно сказались и добрые инстинкты молодежи, которую такъ любилъ покойный и которая ему вѣрила, бдливой такъ безжалостно нынѣ губимой и обманываемой молодежи.

Миръ праху твоему добрый дѣлатель на Русской землѣ. Еще многого ждали отъ тебя, но довольно и сдѣланнаго чтобъ имя твое сохранилось на вѣки въ русской народной памяти. Земля возыметъ свое, тѣлесное предается тѣлесно; но духовное наслѣдiе твое останется навсегда дорогимъ достоянiемъ твоего отечества.

Царство тебѣ небесное! Ты заслужилъ его, ты его выстрадавъ, сколько людямъ дозвоительно судить о томъ...

Приведемъ нѣсколько словъ оцѣнки выскызанныхъ нами въ № 33 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Достоевскому воздается честь не просто какъ писателю, не просто какъ литературному таланту. Въ немъ особенно цѣнно, особенно дорого то духовное направленіе которое въ немъ выработалось его жизнію. Онъ принадлежалъ къ числу избранныхъ душъ которыя неутомимо ищутъ правды, ищутъ Бога. Вотъ въ чемъ, въ этомъ исканіи Бога, истинный прогрессъ и человѣка, и человѣчества! Какъ бы въ этомъ исканіи ни заблуждался человѣкъ, оно спасетъ его, оно выведетъ его на путь, если только исканіе правды само правдиво и идетъ изъ глубины души. Въ комъ живетъ это животворящее духовное начало, тотъ выдержитъ всякое испытаніе, тотъ не изнеможетъ ни въ какой борьбѣ. Много тяжкаго перенесъ Достоевскій въ своей жизни. Вура застигла его на самомъ разцвѣтѣ его жизни. Въ своихъ молодыхъ великодушныхъ, но еще неопредѣленныхъ порывахъ къ добру и правдѣ, онъ оступился, подпалъ подъ ударъ суроваго закона—и очутился на каторгѣ. Не будь въ немъ Бога, онъ бы озлобился, ожесточился бы и улетѣлъ бы безповоротно съ высоты своихъ мечтаній. Но для него страшное бѣдствіе стало путемъ истиннаго, глубокаго совершенствованія; оно зародило въ немъ духовнаго человѣка. Быть-можетъ онъ не вышелъ бы тѣмъ чѣмъ онъ сталъ въ своей дѣятельности еслибы Богъ не судилъ ему этого испытанія. Талантъ его не получалъ бы такого развитія, и не выработался бы въ немъ тотъ духовный строй который характеризуетъ его по преимуществу, въ которомъ заключается его главное достоинство какъ писателя. Изъ неопредѣленныхъ и смутныхъ исканій, онъ мало-по-малу вышелъ на тотъ узкій и единственный путь который ведетъ къ истинѣ. Онъ обратился на самого себя, онъ вступилъ въ борьбу съ самимъ собой, въ борьбу упорную, неутомимую; въ себѣ самомъ, а не въ другихъ казнилъ онъ безпощадно все дурное и порочное человѣческой природы, и чѣмъ болѣе онъ очищался и овлаживалъ собой, тѣмъ глубже становилась онъ сыномъ своего народа, и христіанскомъ вѣрующимъ въ простотѣ сердца. Въ русскомъ народномъ чувствѣ обрѣлъ онъ Христа, и все что было въ немъ идеальнаго, стремящагося, всё его исканія сосредоточились здѣсь. Въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ онъ могъ ошибаться, и не столько отдѣльными мыслями производилъ онъ доброе дѣйствіе на умы

околько общимъ строемъ своей души, общимъ направленіемъ своихъ помысловъ. Въ немъ мы видимъ русскій умъ который свои идеалы ищетъ и находитъ не въ пустотѣ, не въ отвлеченностяхъ, не на чужбинѣ, а въ живой душѣ своего народа. Наши идеалисты и реалисты относились къ своей народности по большей части отрицательно. Заслуга Достоевскаго какъ писателя именно въ томъ состоитъ что онъ со всею искренностію и со всею силой своего дара почувствовалъ и обрѣлъ высшую правду въ своемъ народномъ чувствѣ, и прежде всего духъ милосердія, самое христіанское въ христіанствѣ начало, которое, мы чувствуемъ, живетъ во глубинѣ нашей народности и въ которомъ таится ея истинная сила. Въ своихъ произведеніяхъ Достоевскій часто изображаетъ нравственно больныхъ, прокаженныхъ людей. Никакого безобразія онъ не отвращался, никакого ужаса не думалъ, никакой наготы не смущался. Его анализъ простирался до мельчайшихъ подробностей нравственныхъ недуговъ, и надо удивляться тому спокойствію, той казалось бы безпощадной тонкости съ какою работалъ его анатомическій ножъ. Не то ли это что называется обличеніемъ? Нѣтъ. Не то ли это что называется реализмомъ въ искусствѣ? Нѣтъ. Былъ ли это безстрастный наблюдатель въ интересѣ какой-нибудь науки или искусства? Или, наконецъ, не походилъ ли онъ на врача который добросовѣстно относится къ своимъ больнымъ, но видитъ въ нихъ не болѣе какъ патологическіе случаи? Нѣтъ, если онъ походилъ на кого, то развѣ на беззавѣтно предавную, Богу обрѣкшую себя, безконечно проникнутую чувствомъ своего служенія сестру милосердія, которая не гнушается никакою язвой, не брезгаетъ никакимъ гноемъ, и вся озабочена только тѣмъ чтобъ облегчить страданія болящаго. Онъ въ своихъ анализахъ ищетъ правды, и идетъ все глубже и глубже, идетъ до конца, ничѣмъ не смущаясь, пока подъ этою гадостію, подъ этою мерзостію, не почувется, не послышится сама эта больная, трепещущая, забывшая себя, заглушенная душа человѣческая. И намъ становится понятна эта кропотливость анализа, и въ этихъ подробностяхъ, возбуждавшихъ въ насъ гадливое чувство, мы усматриваемъ дѣло любви которая ищетъ Бога въ человѣкѣ и не отчаивается найти человѣка въ одичаломъ и погибшемъ существѣ. Умъ обнаруживается въ высотѣ и широтѣ соображеній; любовь же испытывается и даетъ чувствовать свою благодать въ тѣсотѣ подробностей.

Мы знали человека, — старѣйшіе изъ выѣздившихъ воспитанниковъ Лицея Цесаревича Николая еще помнятъ его, — человека который ежедневнымъ примѣромъ училъ насъ на дѣлѣ самоотверженію и любви. Въ стѣнахъ Лицея, мы соединили имя Павла въ одной общей заупокойной молитвѣ съ именемъ новолпреставленнаго Теодора. Покойный устроитель Лицея, въ своей дѣятельности посвященной этому заведенію, не считалъ для себя ничего слишкомъ мелкимъ или слишкомъ низкимъ; не было подробности въ жизни Лицея, или его воспитанниковъ, въ которую онъ не входилъ бы всею душой своей, забывая о себѣ, не зная отдыха въ своемъ трудѣ, неутомимый въ своемъ терпѣніи.

По слову апостола, нѣтъ ничего больше любви. Всякое достоинство, всякая заслуга напрасны безъ любви. Безполезны для души человека и разумъ, и всякое знаніе, и всякая добродѣтель, если они не соединяются съ любовью. А любовь ходитъ только тѣсными путями и не знаетъ ни страха, ни гадавости, и ничего не считаетъ слишкомъ мелкимъ или слишкомъ низкимъ для себя...